

И. А. Грачев

ГОРЕ И ПЕЧАЛЬ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ХАКАСОВ

АННОТАЦИЯ. Материалы, используемые в статье, относятся к широкому временному периоду (XIX–XXI вв.), что, на наш взгляд, позволяет более точно определить связь описываемых эмоциональных категорий с традиционной культурой хакасов. В работе рассматривается психоэмоциональное содержание погребального обряда хакасов и функциональные механизмы его ритуального регулирования. Основное внимание уделено таким категориям психоэмоционального состояния участников обряда, как горе и печаль. Даются характеристики основным эмоциональным переживаниям участников обряда, а также способам и средствам регулирования этих переживаний. Погребальный обряд рассматривается, с одной стороны, как глубокий психоэмоциональный кризис коллектива, с другой — как способ преодоления, выхода из этого кризиса. Все участники обряда разделяются на две группы — переживающих горе и испытывающих печаль. Кроме того, обращается внимание на зависимость интенсивности эмоциональных состояний участников обряда от таких факторов, как возраст умершего и степень родства с ним. В заключение делается вывод о том, что отчасти погребальный обряд был направлен на упорядочивание хаотичных и спонтанных психоэмоциональных переживаний членов коллектива, трансформируя их в упорядоченные и регламентированные рамки порядка-ритуала. Конечной целью погребального обряда в психоэмоциональном плане было преодоление кризиса, связанного с утратой близкого человека, родственника, друга, партнера, соплеменника.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: погребальный обряд, традиционная культура, горе, печаль, хакасы

УДК 159.942:393(=152.153)

DOI 10.31250/2618-8619-2018-2-46-51

ГРАЧЕВ ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ — м.н.с. отдела этнографии Сибири, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: lugavka@mail.ru

Изучение психоэмоционального содержания обрядовой практики имеет огромное значение для понимания смысла и роли погребального обряда в традиционной культуре.

В словаре С. И. Ожегова мы находим следующие определения: «горе — скорбь, глубокая печаль, несчастье беда»; «печаль — чувство грусти и скорби, состояние душевной горечи» (Ожегов 1981: 124, 456). Оба эти чувства имеют отношение к погребальному обряду. В нашей работе горе и печаль рассматриваются как два близких по содержанию, но различных по интенсивности эмоциональных состояния участников погребального обряда.

Еще когда отечественная этнография только делала свои первые шаги, исследователи проявляли интерес к описанию горя и печали и их связи с погребальным обрядом. Так, уже в первых анкетах Василия Никитича Татищева встречается вопрос, касающийся описания этих эмоций: «Как горе и печаль свою проявляют, причитая дела и любовь умершего?» (Татищев 1950: 40).

Одно из первых подробных описаний психоэмоционального содержания погребального обряда качинцев сделал М. А. Кастрен в середине XIX в.: «На одной из могил, крайней в ряду, по правую сторону сидели женщины и попеременно то ели, то пили, то курили, то плакали, то пели жалобные песни. Одна из них была, очевидно, вдова покойника, потому что, как бы припоминая прежние свои обязанности, укладывала могилу кусками сала и поливала ее айраном из больших чашек. Напротив нее, на левой стороне могилы, сидела одиноконькая старая женщина, худая, с потускневшими глазами, с впалыми щеками, завернутая в совершенно черное рубище и с посохом в дрожащих руках. Это была мать покойника — 70-летняя старушка, схоронившая опору своей старости, своего единственного тридцатилетнего сына. Мудрено ли, что она сидела одиноко на могиле и с другими не пила и не ела. Она плакала, голосила, стучала своим посохом в могилу, спрашивала покойника, как у него достало сердца покинуть свою старую беспомощную мать. Временами она вытягивала тощие руки, обнимала пустой воздух и поднимала дикий рев. Раз она упала даже без чувств на землю, и я обрадовался было, что кончились ее страдания, но она вскоре вскочила, бросилась на могилу и начала сбрасывать с нее камни, как будто бы силой хотела вырвать своего милого сына из недр земли. Наконец один молодой татарин сжалился над несчастной, посадил ее в свою телегу и увез от могилы. Но долго еще и затем раздавались по степи стенания и жалобные вопли бедной матери» (Кастрен 1999: 211).

Другое описание проявления крайних эмоций оставил И. Каратанов в конце XIX в.: «Во все время похорон родственники умершего и близкие знакомые, в особенности женщины, плачут, неистово кричат и бьют себя в грудь и ладоши руками немилосердно. Некоторые от избытка чувств и сильного опьянения рвут до лысины волосы на голове и бороде или бьются о землю и камни до крови» (Каратанов 1884: 630).

Н. Ф. Катанов приводит следующие слова, произносимые женой, оплакивающей смерть своего мужа: «На кого ты покинул меня и детей своих? Злая смерть сразила тебя преждевременно! О я, одинокая и несчастная, как буду жить без тебя?» (Катанов 1894: 15).

В своей статье «Загробная жизнь по представлениям турецких племен Минусинского края» С. Д. Майнагашев дает следующие текстуальные примеры выражения горя, произносившиеся женой умершего: «Горюя о тебе, пришла я с невесткой, с дочерью!» (Майнагашев 1916: 6).

Смерть человека, несомненно, одно из самых острых эмоциональных, стрессовых состояний, переживаемых в традиционных обществах. Вследствие необратимого ухода активных и деятельных членов коллектива происходит существенное переформатирование всей ткани общественной жизни. Нарушаются психоэмоциональные связи, создававшиеся на протяжении значительного времени, что приводит к разбалансировке всей системы внутрисемейных отношений в целом.

Пересматриваются социальные статусы и иерархии как всей семьи умершего в целом, так и каждого члена семьи в отдельности. Изменяются брачные отношения, вдова или вдовец получают новый статус, ограничивающий их социальную роль. У тюркских народов существовал обычай наследования брачных обязательств старшего брата младшим. Жена умершего старшего брата становилась женой младшего брата (Каратанов 1884: 628), кроме того, младший брат должен был опекать детей старшего брата. Современные хакасы этот обычай давно уже не исполняют, но по возможности стараются соблюдать традицию опеки над детьми брата.

Во время и после похорон происходит раздел имущества семьи, часто сопровождающийся выходом и отделением младших членов семьи в самостоятельные хозяйства. Ослабевают или рвутся обязательства и партнерские узы, связывавшие умершего с другими членами коллектива. Все эти изменения можно охарактеризовать как кризис, сопровождающийся глубокими психоэмоциональными переживаниями.

Можно предположить, что одной из функций погребального обряда является преодоление этого кризиса. Строго регламентированные и сложные по своей логистике, форме и содержанию действия, совершаемые в ходе погребального обряда, отчасти были призваны включить компенсаторные механизмы человеческой психики, находящейся в состоянии сильнейшего стресса, с перспективой преодоления и катарсиса.

В традиционной культуре хакасов было выработано и применялось в обрядовой практике несколько способов преодоления кризиса, связанного со смертью. Свое регламентированное выражение проявления горя и печали нашли в традиционном для всех южносибирских тюрков ритуальном плаче по умершему — *сагыт*. А. М. Сагалаев и И. В. Октябрьская писали: «Этот жанр сохранился в тюркской культуре до наших дней и как обрядовый текст, и как составная часть героических сказаний. Имея устойчивую музыкальную и поэтическую форму, включая традиционные, близкие эпическим мотивы, причитания имели характер ограниченных импровизаций. Слагаемые по случаю ухода из жизни конкретного человека, они включали элементы его биографии. Воспроизводя картины жизни покойного, перечисляя его заслуги перед родными и близкими, плачи, как мы могли убедиться во время экспедиционных работ в Хакасии, не всегда носили безысходно-трагический характер. В них могли обыгрываться и эротические темы, всплывали воспоминания о большом жизнелюбии умершего» (Сагалаев, Октябрьская 1990: 164). Современные хакасы часто исполнение традиционного ритуального плача *сагыт* заменяют произнесением нараспев на хакасском языке заупокойных православных молитв. Для исполнения *сагыт* приглашаются специальные плакальщицы из числа пожилых вдовых женщин.

Еще одним способом регулирования психоэмоционального состояния участников погребального обряда было исполнение в ночь перед похоронами эпических сказаний под аккомпанемент традиционного музыкального инструмента *чатхана*. Для этого специально приглашался профессиональный исполнитель-певец — *хайджи*. На протяжении всей ночи участники похорон бодрствовали, слушая героические сказания. Иногда такое бодрствование продолжалось до трех ночей (Катанов 1894: 15).

Как нетрудно заметить, все эти действия совершались коллективно, и это также регламентировалось обрядовыми нормами. Так, после известия о смерти к участию в обряде приглашались все, кто на момент смерти находился на территории *аала*, вне зависимости от того, связывали их какие-либо отношения с умершим или нет. В обряде принимали участие как члены семьи умершего, его соседи и друзья, так и чужаки, случайно оказавшиеся в *аале*.

Что касается средств, использовавшихся для регулирования психоэмоционального состояния участников погребального обряда, то здесь нельзя не упомянуть о традиции употребления алко-

ля. Употребление алкогольных напитков во время совершения погребального обряда имеет глубокие исторические корни и свое начало берет в доисторическую эпоху (Адрианов 1909). В качестве алкогольного напитка во время обряда использовалась молочная водка — арака (у современных хакасов обычная водка на основе этилового спирта). Алкоголь оказывал опьяняющее воздействие на участников обряда, что приводило к появлению чувства эйфории, частичному снятию жестких социальных и поведенческих норм и способствовало эмоциональному катарсису. Пьяному позволено то, что не позволено трезвому. Алкогольное опьянение человека извиняло его и позволяло обществу толерантно относиться к нарушениям норм, резким и высоким по своему накалу эмоциональным реакциям. Такая практика позволяла вести себя менее сдержанно, не ограничиваясь в проявлении эмоций. Следует отметить, что употребление алкоголя во время совершения погребального обряда не является чем-то обязательным и необходимым. Известны случаи, когда, исполняя завещание умершего, похоронный обряд проходил без алкоголя.

Другим важным фактором в понимании психоэмоционального состояния людей, участвующих в погребальном обряде, является традиционное представление об образе загробного мира. Так, хакасы представляли загробный мир как страну, исполненную печали, — антитезу радостному солнечному миру. Мир умерших располагается под землей, души умерших людей, попадающие туда, часто испытывают страдания от голода и холода. Душа *сўне*, только что отделившаяся от умершего, представлялась растерянной и испуганной, и важно было не спугнуть ее, не помешать ей беспрепятственно совершить переход в другой мир. Такие представления требовали не производить ненужного шума во время обряда, не кричать, не свистеть, не стрелять из ружья, не греметь и не хлопать.

Всех участников погребального обряда можно разделить на две группы, каждая из которых испытывает разные по своему накалу и содержанию эмоциональные состояния.

Первая группа, находящаяся в эпицентре эмоционального шторма, включает близких умершего, связанных с ним наиболее крепкими социальными и эмоциональными узами. Эта группа испытывает настоящий шок от случившегося. Их эмоциональное состояние можно классифицировать как горе — состояние отрешенности, замкнутости и катастрофы. Его можно охарактеризовать как негативное с отсутствием видения позитивного исхода. Коллектив в течение всей острой фазы кризиса берет под опеку эту группу. Близких покойника не оставляют в одиночестве. Их жизнь в течение нескольких дней становится публичной. Для лиц, принадлежащих к этой группе, разрешено любое проявление эмоций, любой эмоциональный выплеск, ведущий к эмоциональному катарсису, приветствуется. Окружающие, как правило, женщины, не входящие в эту группу, поддерживают и сопереживают эмоциональные катарсисы совместным плачем и причитаниями. К мужчинам, принадлежащим к группе переживающих горе, несмотря на их эмоциональную сдержанность, регламентированную культурными поведенческими стереотипами, проявляют повышенное внимание и нежность, несвойственные в обыденной жизни.

Другая группа состоит из людей, непосредственно не вовлеченных в происходящее. Она включает дальних родственников умершего, соседей и знакомых. Эти люди берут на себя все хлопоты по организации и проведению обряда. На протяжении всего времени проведения обряда эта группа сопереживает испытывающим горе. Эмоциональное состояние этой группы можно описать как печаль. В отличие от горя, печаль не является шоковым эмоциональным состоянием. Позитивное в своем содержании, это эмоциональное состояние направлено на преодоление кризиса. Сопереживание подразумевает только частичное соприкосновение с эмоциональным эпицентром происходящего. Вовлеченность этой группы можно охарактеризовать как неполную. Свою роль

члены этой группы видят в том, чтобы отдать долг памяти умершему, проводить его в последний путь и оказать посильную поддержку его близким.

Таким образом, топографически эмоциональное содержание погребального обряда мы можем описать как радиальную структуру с горем в центре и печалью на периферии.

Эмоциональный накал погребального обряда во многом зависит и от возраста погребенного. Так, по отношению к умершим старикам, прожившим долгую жизнь и частично утратившим дееспособность, эмоции, испытываемые во время погребального обряда, можно охарактеризовать как печаль. Уход из жизни состарившегося члена коллектива не воспринимается как шок. Его уход прогнозируем и ожидаем. Он частично или полностью отошел от дел, и коллектив не связывает с ним свое будущее и перспективы. Как правило, стариков не оплакивали, считая, что «они пожили» и прожили свою жизнь до конца, следовательно, горевать не о чем.

Совсем иное дело, когда уходит из жизни ребенок или дееспособный перспективный член общества. Именно такие похороны являются шоком для коллектива. С одной стороны, его смерть не прогнозировалась, с другой — его потенциал не был реализован или оказался реализован не полностью. Эмоциональное состояние на похоронах таких умерших можно охарактеризовать как горе. В отношении новорожденных масштабы горя были ограничены: их оплакивали только матери. Считалось, что новорожденный еще не совсем принадлежит этому миру.

Можно выделить еще одну группу умерших, в отношении которых было запрещено выражать горе, — это люди, не имевшие родственников или пришлые чужаки. Такие люди находились на социальной периферии коллектива и не имели тесных эмоциональных связей с его членами.

В заключение можно сделать вывод о том, что погребальный обряд был направлен на упорядочивание хаотичных и спонтанных психоэмоциональных переживаний членов коллектива, трансформируя их в упорядоченные и регламентированные рамки порядка-ритуала. Конечной целью погребального обряда в психоэмоциональном плане было преодоление кризиса, связанного с утратой близкого человека, родственника, друга, партнера, соплеменника.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Адрианов А. В. Айран в жизни минусинского инородца // Сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина. СПб., 1909.

Кастрен М. А. Сочинения: в 2 т. Тюмень, 1999. Т. 2: Путешествие в Сибирь (1845–1849).

Катанов Н. Ф. О погребальных обрядах у тюркских племен Центральной и Восточной Азии. Казань, 1894.

Каратанов И. Черты внешнего быта качинских татар // ИРГО. 1884. Т. 20.

Майнагашев С. Д. Загробная жизнь по представлениям турецких племен Минусинского края. Пг., 1916.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1981.

Сагалаев А. М., Октябрьская И. В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск, 1990.

Татищев В. Н. Избранные труды по географии. М., 1950.

GRIEF AND SORROW IN THE FUNERAL CEREMONY OF THE KHAKASS PEOPLE

ABSTRACT. The materials used in the article cover a wide period from the nineteenth up to the twenty first century, which, in our opinion, allows us to determine the relationship of the described emotional categories with the traditional culture of Khakas with more accuracy. The paper deals with the psycho-emotional content of the funeral rite of Khakas and the functional mechanisms of its ritual regulation. The main attention is paid to such categories of psycho-emotional state of the participants of the rite as grief and sorrow. The article describes the main emotional experiences of the participants of the rite, as well as the ways and means of regulating these experiences. The funeral rite is considered to be, on the one hand, a deep psycho-emotional crisis for the community and, on the other hand, a way to overcome or escape from this crisis. All the participants of the ceremony are divided into two groups — those experiencing grief or sadness. In addition, attention is drawn to the dependence of the intensity of the emotional states of the ceremony participants on such factors as the age of the deceased and the degree of one's relationship with them.

In conclusion, it is argued that the Khakas funeral rite was, in part, aimed to order the chaotic and spontaneous psycho-emotional experiences of community members, transforming and bringing these experiences into a normalized framework of an ordered ritual. The ultimate goal of the funeral rite, from the psycho-emotional perspective, was to overcome the crisis associated with the loss of a loved one, a relative, a friend, a partner or a fellow tribesman.

KEYWORDS: funeral ceremony, traditional culture, grief, sadness, Khakas

IGOR A. GRACHEV — Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: lugavka@mail.ru